

СТАНОВЛЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО КУПЕЧЕСТВА В ПРОЦЕССЕ ЕГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С РАЗНЫМИ СОЦИАЛЬНЫМИ ГРУППАМИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА *

© 2018 г. Кольцова В.А.** , Федоркова И.Р. ***

** Доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории истории психологии и исторической психологии, ФГБУН Институт психологии РАН; 129366, Москва, ул. Ярославская, дом 13, корп. 1.

*** Кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии и истории психологии МосГУ, заместитель директора по научно-просветительской работе Музея денег; Московский Гуманитарный университет; 111395, г. Москва, ул. Юности, 5

e-mail: ira_kislova@mail.ru

Аннотация: В статье с опорой на исторические факты, в том числе на данные архива Московской Купеческой Управы, раскрываются особенности становления купечества в процессе его взаимодействия с другими социальными группами российского общества: дворянами, крестьянами, мещанами. Особенности взаимодействия рассмотрены с точки зрения кооперации и конкуренции, проявившихся в деловой и социальных сферах жизни названных социальных групп. В работе также проанализированы феномены, повлиявшие на становление купечества как социальной и профессиональной группы: установки, традиции, жизненные позиции, мотивы поведения, права и обязанности.

Ключевые слова: купечество, дворяне, крестьяне, мещане, социальная группа, сословие, взаимодействие, кооперация, конкуренция, конфликт, конструктивный конфликт, деструктивный конфликт, деловая сфера, социальная сфера, традиции, реформы, предпринимательская деятельность, торговля, торгово-промышленная деятельность, профессиональная деятельность, общественная деятельность, установка, мотивация, социальный статус, доминирующая позиция, подчиняющаяся позиция, права, обязанности

ВВЕДЕНИЕ

Основными партнерами по общению купечества являлись дворяне, крестьяне и мещане, которые сыграли важную роль в становлении купечества как социальной и профессиональной группы. Рассмотрим, как изменялись

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 18-013-01075 «История становления предпринимательства в России»

исторические формы социально-психологического взаимодействия данных социальных групп российского общества в периоды важные для развития отечественного предпринимательства.

Для рассмотрения будем использовать модель дихотомического деления всех возможных видов взаимодействия на два противоположных вида: кооперацию (сотрудничество) и конкуренцию (соперничество) (Андреева, 1996). Под кооперацией понимается такое взаимодействие, при котором происходит комбинирование единичных сил участников для достижения общего, взаимовыгодного результата. Конкуренция, напротив, предполагает самостоятельное ведение дел и нацелена на достижение победы над соперничающей стороной. Наиболее яркой формой конкуренции является конфликт, как высшее проявление взаимодействия, связанного со столкновением интересов. Выделяются две разновидности конфликтов: деструктивный (негативный) и конструктивный (позитивный). Конструктивный конфликт возникает в том случае, когда происходит столкновение различных точек зрения на какую-либо проблему или способы ее разрешения; он, как правило, протекает в деловой сфере и имеет возможность позитивного разрешения. Деструктивный конфликт ведет к рассогласованию взаимодействия, возникает чаще в личностной сфере и часто не только не способствует разрешению проблемы, а, наоборот, ведет к умножению негативных установок, к росту предубежденности партнеров по отношению друг к другу, разрушению взаимодействия.

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУПЕЧЕСТВА С ДВОРЯНСТВОМ

В конце XVII – начале XVIII вв., когда Петр I взял курс на индустриализацию и развитие России в соответствии с западными образцами, предпринимательством стали заниматься дворяне, которые до сих пор имели собственную сферу служения – государственно-политическую и военную, в то время как экономическая сфера традиционно являлась прерогативой

купечества. Вероятно, Петр I не видел в купцах надежной опоры для проведения своих прозападных реформ, так как они для него олицетворяли старину Московского царства, с которой император вел неустанную борьбу. Купцы предпочитали жить в рамках древнерусских традиций: систематически посещали богослужения, строили храмы, не торопились брить бороды, уплатив «бородовую пошлину», не спешили облачаться в новое европейское платье. Именно купцы даже через сто лет после реформ Петра являлись носителями и активными пропагандистами русской идеи в своей профессиональной и общественной деятельности. Они делали ставку на подготовку отечественных специалистов, создавали магазины русских товаров, строили храмы и светские здания в русском стиле, возрождали забытые древнерусские ремесла, способствовали развитию национальной культуры. В то время как в Большом театре в моде была итальянская опера, в Русской Частной опере С.И. Мамонтова звучали национально-ориентированные произведения Н.А. Римского-Корсакова: «Псковитянка», «Садко», «Снегурочка», «Царская невеста». В то время как в моде было коллекционирование картин французских и итальянских художников, П.М. Третьяков собирал произведения русских живописцев, всячески поощряя их творческие устремления. Таким образом, Петр I очень точно почувствовал и оценил стойкость мировоззренческой позиции купечества, основанной на Православии и уходящей корнями в древнюю историю русского народа.

Итак, император Петр I в ходе проведения своих реформ делал ставку на дворян, вслед за царем относительно быстро принявших западные нововведения. Он посылал дворянских детей учиться за границу, а младшим сыновьям знатных фамилий настоятельно рекомендовал заниматься торговлей. Петр I активно стимулировал экономическую деятельность дворянства, и, несмотря на наличие у них собственных капиталов, предоставлял для развития предпринимательского дела государственные средства. Парусную фабрику на р. Клязьме соорудил А.Д. Меншиков, шелковая компания была создана графами Апраксиным и Толстым в компании с бароном Шафировым. Но,

несмотря на значительные привилегии, полученные от правительства, предпринимательская деятельность дворян не оказалась эффективной. Граф Апраксин, например, в 1720 г. заявил, что у него нет «капиталов, потребных на производство», нет и шелка из-за отсутствия «интереса в купечестве» (Кузьмичев, Шапкин, 1995, с. 49). Этим заявлением известный сановник практически констатирует тот факт, что договориться с традиционными русскими хозяйственниками-купцами дворяне не сумели. Через год после описываемых событий граф Апраксин с компаньонами были вынуждены пригласить на предприятие 8 купцов, а еще через три года предприятие полностью перешло в руки купечества, вернувшего дворянам часть внесенного капитала. Объективной причиной сложившейся ситуации можно считать отсутствие достаточного опыта, навыка ведения хозяйственных дел у дворянства. Субъективная причина, на наш взгляд, связана с отсутствием у дворянства необходимой мотивации к осуществлению такого рода деятельности и нежеланием сотрудничать на равных с «мужиками-купцами». Указания императора выступали в роли внешнего мотива, а собственная заинтересованность (внутренняя мотивация), вероятно, была слабо выражена у дворянства. Со временем многие дворянские предприятия перешли во владение купечества, обладавшего необходимым опытом, навыками ведения дел и знанием рынка. Таким образом, в период проведения реформ Петра I, несмотря на заинтересованность императора, дворянство не смогло стать серьезным конкурентом купечеству в деловой сфере.

В период правления Екатерины II позиция высшего сословия существенно изменилась: у них появилось стремление к экономической активности. Дворяне стали усиленно оттеснять купечество от промышленной деятельности, начиная доминировать в основных отраслях производства – текстильной и винокуренной. Так, в 70-е гг. XVIII в. из 305 текстильных предприятий дворянам принадлежало 57 и на их долю приходилось третья часть общего оборота продукции. К началу XIX в. из 98 суконных фабрикантов, поставлявших свои изделия государству, к дворянскому сословию

принадлежали 74 человека, а к купеческому сословию только 12. Таким образом, в этот исторический период дворянство начинает конкурировать с купечеством в деловой сфере. Недаром период правления Екатерины II называют в истории «золотым веком дворянства»: императрица оказывала протекцию дворянству во всех сферах жизни. Они имели в собственности не только заводы, возникшие в результате личной активности, но и предприятия, создававшиеся на средства казны. В период правления Екатерины II наблюдался расцвет вотчинных мануфактур, существовавших на базе дворянских поместий. Эти предприятия, нацеленные на переработку продукции, полученной в результате барщины и оброка, базировались на труде крепостных крестьян.

Однако, уже в первой половине XIX в. положение изменилось в пользу купечества, дворянство вновь перестало быть для них серьезным деловым конкурентом. В период подготовки демократических реформ крепостной труд стал невыгодным, вследствие этого вотчинные предприятия практически исчезают. В этой ситуации высшее сословие проявило ригидность, оказалось неспособным перейти к новым методам хозяйствования. В стремлении поправить свое финансовое положение дворяне вставляли на путь поощрения своих крепостных к занятию торговлей для получения с них денежного оброка. Купечество осуждало данную позицию дворян, считая, что, имея в своих руках самый главный ресурс – рабочую силу, дворяне могли бы организовать собственное производство, а не жить за счет крестьян: «Помещики, собирая особые оброки с торгующих крестьян, не имеют побуждения к возрастанию доходов своих употреблять имеющихся у них в руках надежных способов заводить в деревнях фабрики для обработки собственных произведений» (О доставлении..., 1823).

Дворянство вновь оказалось неподготовленным к энергичным действиям в отличие от купечества, имевшего мощное внутреннее стремление к активности, способность к длительной эмоциональной, волевой и физически напряженной работе ради достижения своей цели, что традиционно

формировалось в купеческой среде еще со времен осуществления торгово-дружинных экспедиций древнерусских купцов.

Таким образом, мы можем констатировать: дворянство на протяжении XVIII – XIX вв. выступало соперником купечеству в деловой сфере с разной степенью выраженности конкурентной борьбы на разных исторических этапах. Но если состязание в деловой сфере в большей степени носило конструктивный характер, то в социальной и личностных сферах между купечеством и дворянством существовал деструктивный конфликт, который длился вплоть до революции 1917 года, отменившей существование данных сословий.

Дворяне являлись обладателями благородного происхождения и государственно-политической власти; купечество, в свою очередь, не имевшее знатного происхождения сосредоточило в руках значительные денежные средства, которые к XIX веку истощились у дворян. Все это вызывало непонимание и неприятие друг друга этими группами российского общества.

Дворяне, имея в своих руках политическую власть, использовали ее в своих интересах против купечества. Данное утверждение ярко иллюстрируется примером конфликтной ситуации, возникшей между графом Воронцовым и симбирским купечеством в XVIII в. Граф пытался погасить свой долг казне (129 тысяч рублей) за счет купечества путем давления и принуждения, а должностные лица, представляющие его интересы, оказывали прямое физическое воздействие на купцов. Возникшая ситуация заставила купцов обратиться с жалобой к императрице Елизавете Петровне. В челобитной они в частности сообщали, что присланный расследовать дело графа Воронцова прокурор, взымает долг со всего симбирского купечества, при этом «бьет их братию среднюю и меньшую гильдию батожем смертельно, морит в колодках и принуждает подписываться к платежу той суммы с каждой души по 6 рублей с излишеством» (Кузьмичев, Шапкин, 1995, с.70).

Противостояние дворянства и купечества в социальной сфере продолжалось и в XIX в. Но если раньше купечество в данном направлении не оспаривало прав дворянства, то в пореформенный период ситуация изменилась:

купечество добивается существенных успехов и теснит дворянство не только в экономической, но и в социальной сферах. В.А. Гиляровский писал: «Барские палаты были заняты купечеством, и барский тон сменился купеческим, как и изысканный французский стол перешел на старинные русские кушанья» (Гиляровский, 1983, с. 96). Вчерашние «мужики» принимают участие в светских раутах; «купеческие жены получают свои туалеты из Парижа», выезжают «на зимнюю весну» на Французскую Ривьеру» (Бурьшкин, 1991, с. 99).

В купеческой среде значительно возрастает стремление к получению образования; и если отцы торговали с лотков, то дети уже являлись студентами самых престижных учебных заведений. Дед Саввы Морозова умер, так и не научившись грамоте, а его внук был студентом Императорского Московского университета, а затем изучал химию в Кембридже. Архивные документы свидетельствуют о том, что в первой половине XIX века, задолго до отмены Крепостного права, купеческие дети уже являлись студентами высших учебных заведений; и это были не единичные случаи. В период с 1829 по 1836 гг. зарегистрировано как минимум 62 случая «увольнения» московских купеческих детей из сословия в связи с поступлением в высшие учебные заведения: 51 человек поступил в Императорский Московский университет, 10 – в Медико-хирургическую академию, 1 – в Императорскую академию художеств. При этом следует отметить, что это были дети и внуки не только самых зажиточных купцов 1-й гильдии, но и члены семей купцов 2-й и 3-й гильдий (Дела об увольнении..., 1829-1836.).

Межгрупповой конфликт купечества и дворянства обострялся за счет их взаимных негативных установок. Отношение дворянства к купечеству было снисходительно-ироничным, а порой открыто презрительным. Несмотря на модный сюртук и французскую речь, дворянство видело в нем «все же купца, со всеми его «ордынско-якиманскими» свойствами, которые не выветриваются ни от каких течений, ни от какой цивилизации» (Бурьшкин, 1991, с. 98). Вместе с тем, дворянство завидовало присущему купечеству стремлению к культуре,

реализующемуся благодаря наличию финансовых средств, которых было недостаточно у дворянства. «У него (купца – прим. авторов) лучшие дома и выезды, лучшие картины, библиотеки. Загляните в любое учреждение – вы непременно встретите там купца. Он произносит речи, проектирует мероприятия, издает книги, фабрикует высшие сорта политики, устраивает митинги и прочее», – писала газета «Новое время» (там же).

Неприятное отношение к себе купечество испытывало со стороны Государственной думы, и это не случайно, так как лидирующее положение в Думе занимало дворянство, в связи с этим есть основание рассматривать данный факт, как иллюстрацию отношения дворянства к купечеству. При этом купечество осознавало, что в основе этого отношения лежали иррациональные мотивы. П.А. Бурьшкин писал, что объяснить такое отношение к предпринимателям «иначе как врожденной неприязнью к частной промышленности невозможно. Это именно неприязнь, т.е. чувство, а не сознательная программа или доктрина» (Бурьшкин, 1991, с. 69).

По словам купца Вишнякова, отношение купечества к дворянству, в свою очередь, тоже было полно недоверия, зависти и недоброжелательства (Вишняков, 1903-1911).

Социальные контакты между дворянством и купечеством были очень редки. Встретить дворянина или дворянку в купеческой среде было такой же редкостью, как купца или купчиху встретить в дворянской. Если же это происходило, то возбуждало, с одной стороны, любопытство, с другой стороны – сарказм и неодобрение по отношению к тем, кто нарушал обычаи своих каст. Как правило, такие социальные взаимодействия объяснялись корыстными расчетами. Если дворянин принимал купца, это означало, что ему нужны были деньги. П.А. Бурьшкин в своей работе цитировал автора «Отечественных записок» Сергея Атаву: «Всем нам в то время до зарезу нужны были деньги. А деньги были у купца. Мы обнищали, а он давал» (Бурьшкин, 1991, с. 97). Если купец принимал дворян, это значило, добивается подряда, ордена или медали, «норовит дочь выдать за благородного» (Вишняков, 1903-1911, с. 39). Как

правило, такие корыстные расчеты не были одобряемы в купеческом сообществе. Купцов, перешедших в дворянское сословие, в купеческих домах Москвы во время общих сословных собраний не принимали, их можно было приглашать только отдельно. Ю.А. Бахрушин вспоминал: «Помню, например, представителей одной известной московской купеческой семьи. По русским законам владельцы фирм, просуществовавших сто лет, автоматически получали дворянство. Обычно было принято отказываться от подобного перехода из сословия в сословие. Представители этой фамилии не соблюли традиционного правила и не отказались от дворянского звания. Немедленно все двери лучших купеческих домов, где они раньше всегда бывали желанными гостями, наглухо и навсегда захлопнулись перед ними» (Бахрушин, 2012, с. 43).

Замуж выходили или женились на представителях своего сословия. И если отдельные купцы пытались выдать дочь за дворянина или женить сына на дворянке, чтобы таким образом повысив свой социальный статус, то для большинства купцов это было настоящей трагедией. Бахрушин описывает семейную ситуацию выхода его тети замуж за князя. В семье известие было воспринято как величайшая катастрофа. Невеста проплакала полтора месяца прежде, чем отец согласился на этот неравный брак и только исключительный такт и обаяние князя Енгальчева позволили со временем купеческой семье примириться с произошедшим. Возможно, возникшая ситуация объяснялась не только сословными установками, но и тревогой за судьбу дочери. Перед глазами московской общественности были примеры таких браков по расчету: обнищавший дворянин женился на купеческой дочери, «чтобы обобрать ее и бросить»; дворянка выходила замуж за купца, чтобы одарить своих близких, а затем завести «полубовника из своих, да и уйти от мужа. Да еще смеяться станет: этакого дурака нашла» (Вишняков, 1903-1911, с. 39). Купечество не доверяло дворянству.

Можно также рассмотреть процесс взаимодействия купечества и дворянства с точки зрения позиций, которые они занимали по отношению друг к другу: кто в ситуации общения занимал ведущее положение, кто был

ведомым; насколько оправдывались ожидания относительно поведения партнеров. Исходя из принятой в социальной психологии концепции распределения ролей партнеров по общению согласно принципу доминирование – подчинение,¹ можно предположить, что в дореформенный период (первая половина XIX в.) дворянство находилось по отношению к купечеству в доминирующей позиции – «сверху», в то время как купечество – в подчиняющейся позиции – «снизу». Причиной этого являлась патриархальная форма взаимодействия между помещиками и крестьянами, традиционно сложившаяся в российском обществе. Социальные роли распределялись следующим образом: помещик – доминирующий тип («Родитель»), крестьянин (а купцы в большинстве были выходцами из крестьянского сословия) – подчиняющийся тип («Ребенок»). Даже в ситуации финансовых взаимоотношений, где, по праву, купечество занимало ведущую позицию, выступая в роли кредитора, дворянство стремилось сохранить свое социальное место «сверху». Дворяне снисходительно разрешали купцам давать им деньги как дань уважения, при этом кредитора с собой даже за стол не сажали, так как он «в салфетку сморкается». Купец, в свою очередь, вел себя сообразно ожиданиям: «садился на ближайший стул от двери, вставал с него каждую минуту, улыбался, потел, утирался» (Бурьшкин, 1991, с. 97).

В пореформенный период (с 60-х гг. XIX в.) купечество разрушает сложившуюся традицию и тем самым выступает в противовес ожиданиям дворянства, оно уже стремится строить свои взаимоотношения с ним с точки зрения позиции «рядом». Метаморфоза, произошедшая с купечеством, ярко иллюстрируется примером купца Подугольникова. Купец перестал являться по вызову, а приезжал с визитом сам, беря инициативу в общении в свои руки. «Хотя, по-прежнему, дальше кабинета его не пустили, он уже сам попросил, чтобы подали ему водочки, и спать к управляющему во флигель не пошел, а

¹ Имеется в виду принятое в социальной психологии распределение ролей партнеров по общению по принципу «доминирование – подчинение»: «пристройка сверху» (позиция доминирования); «пристройка снизу» (предоставление инициативы партнеру); и «пристройка на равных» (уравнивание позиций).

спал в кабинете. Утром обошел и осмотрел все хозяйство, обо всем расспросил. Склонился на просьбу и дал еще денег взаймы, но это был уже не тот Подугольников, который потел и утирался» (Бурышкин, 1991, с. 97). Сложившаяся ситуация противоречила ожиданиям дворянства, и приводила к внутренней борьбе мотивов по типу «не хочу, но надо». «А когда он приехал в следующий раз, его не только пришлось положить спать в кабинете, но надо было позвать обедать в столовую, строго-настрога приказавши детям не смеяться, если он станет сморкаться в салфетку» (там же). «Не хочу» строить взаимоотношения с вчерашним крепостным мужиком как с равным, но «надо», потому что у него есть деньги, а у меня нет – такой была логика рассуждений дворянства в связи со сложившейся ситуацией.

Найденные в архиве документы свидетельствуют о том, что российская аристократия была вынуждена официально принять купечество в высшее сообщество, признать его «своим», равным себе членом общества, пригласив их в 1856 году вступить в члены Российского Благородного собрания (О приглашении...., 1856). В свою очередь, купеческие дети стали приглашаться на детские праздники и балы в Зал Благородного собрания (О распространении...., 1853).

Но формальное принятие не означало реального. Купеческий сын – П.А. Бурышкин на себе ощутил, что значило быть «не благородным». Павел обучался в лицее наряду с детьми самых именитых дворянских фамилий и считался лучшим учеником в классе. В момент приезда в лицей важных гостей его обычно представляли прежде других. Убийство великого князя Сергея Александровича – одного из попечителей лицея – всколыхнуло жизнь московской общественности. Учащиеся лицея до похорон дежурили по очереди у гроба великого князя в Чудовом монастыре в составе почетного караула. Еще большей почестью явилось представительство на похоронах лучшего лицеиста старших классов. Все понимали, что на похороны необходимо отправить Павла Бурышкина, но начальство предложило сыну уездного предводителя дворянства князя Голицына выполнить эту важную миссию. Голицын

отказался, заявив, что в отношении Бурышкина совершается несправедливость, но ему объяснили, что могут спросить фамилию, а для лица будет лучше, если это будет представитель титулованного семейства, а не купеческий сын. После отказа Голицына начальство выбрало другого кандидата – сына губернского предводителя дворянства Базилевского, но он тоже отказался в пользу Бурышкина. Юноши оказались справедливее и мудрее взрослых, и начальству пришлось смириться с их решением. Павел Афанасьевич вспоминал, что он не пожалел ни минуты о том, что был на церемонии, так как увидел много известных людей, узнал придворный этикет, но наряду с такими светлыми воспоминаниями, в его душе остались неприятные ощущения: «я впервые ясно понял, что тогда значило быть “чумазым”» (Бурышкин, 1991, с. 101).

Позиции купечества и дворянства по отношению друг к другу из однозначных превращались в противоречивые. Дворяне, с одной стороны, внешне признали возможность купечества входить в состав аристократии, но с другой стороны, внутренне, не принимали этого факта. Купечество, с одной стороны, внешне, желало добиться окончательного реванша над зазнавшимися дворянами, но с другой стороны, внутренне, неосознанно оно, по-прежнему, нуждалось в одобрении с его стороны. «По каким-то тайным психологическим причинам купцы заискивали у высшего дворянства» (Бурышкин, 1991, с. 99).

Основные силы дворян и купечества были сосредоточены в разных городах. Можно сказать, что штаб-квартирой дворянства являлась новая столица – Санкт-Петербург, а центром купеческой жизни оставалась древняя Москва. Старая и новая столицы конкурировали между собой, в том числе и посредством противостояния дворянства и купечества. Из воспоминаний членов купеческих фамилий мы узнаем, что «не очень-то любили москвичи ездить в Петербург» (Бурышкин, 1991, с. 251), равно как и петербургская знать посещала Москву по необходимости, чаще всего во время императорских визитов в первопрестольную.

Значимым событием в жизни московского купечества явился визит императора Александра II в дом Московского городского головы – купца

Институт психологии Российской академии наук. Человек и мир. 2018. Том 2, № 3(5)

Михаила Леонтьевича Королева. Обещание приехать в гости к купцу произвело и в дворянском, и в купеческом сообществе смущение: такого никогда не было. Многие скептически отнеслись к обещанию императора и до последнего считали, что визит не состоится. Но император сдержал слово и приехал в гости к купцу 4 декабря 1862 года. «Событие это, как открытое всенародное признание правительством значения купечества, нашло себе широкое и всестороннее отображение в прессе», – писал в своих воспоминаниях потомок известного купеческого рода Ю.А. Бахрушин (Бахрушин, 2012, с. 29).

Окончательным реваншем купечества в процессе длительного противостояния дворянству в профессиональной и социальной сферах явилась сложившаяся к концу XIX – началу XX вв. традиция официального представления новых министров торговли и промышленности московской буржуазии. Министр сам приезжал в Москву для того, чтобы представиться именитым московским купцам, а не вызывал их в Петербург.

ОСОБНОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУПЕЧЕСТВА С КРЕСТЬЯНСТВОМ

Крестьянство являлось основным конкурентом купечеству в деловой сфере вплоть до XIX в., но конфликта в личной и социальной сферах жизни между ними не было.

История развития предпринимательства в крестьянской среде приводила к формированию нового типа деловых людей – «капиталистских мужиков», который составил основу российского купечества XIX в. Между данными группами возникает конструктивный конфликт, связанный с использованием разных средств для достижения цели. Цель была одна и та же – накопление капитала для дальнейшего развития собственного предпринимательского дела, а средства выбирались разные. Различия в средствах определялись правами и обязанностями купечества и крестьянства, которые на каждом историческом этапе давали преимущества то одним, то другим.

Серьезную конкуренцию купцам на внутреннем рынке в петровские

времена составляла наиболее свободная от закрепощения категория крестьян – дворцовые. Но, переходя в купеческое сословие, они принимали права и обязанности купечества и тем самым становились не конкурентами, а сотрудниками купцов¹. Данная тенденция вызвала противоборство со стороны государства, которое опасалось, что «в крестьянах останутся лишь одни скудные, и будет дворцовой казне от этого умаление», кроме того, нельзя было создавать у крестьян «понятия, что они и вовсе свободны» (Кузьмичев, Шапкин, 1995, с. 63). Таким образом, государство, по сути, стимулировало конкурентную борьбу между купечеством и крестьянством в экономической сфере, не разрешая последним переходить в купеческое сословие, но и не запрещая им создавать промышленные предприятия и заниматься торговлей.

В 1742 г. был издан указ, согласно которому, крестьяне, записавшиеся в купечество, должны были платить налоги и как крестьяне, и как купцы, и не только они сами, но и их потомки. Вероятно, данный указ не смог сдержать активность крестьян, и в 1747 г. выходит новый указ, разрешающий переход в купечество только крестьянам, имеющим собственность (лавки, дворы и заводы), не учитывая размер их капитала. В 1750 г. был издан указ, запрещающий менять сословие без царского разрешения, тогда как раньше требовалось лишь согласие схода или разрешение главной канцелярии. Крестьянам предоставлялось право переходить в купечество без исключения из крестьянства.² Государству никак не удавалось сдержать предпринимательскую активность крестьян. В пятидесятые годы XVIII в. появился ряд новых распоряжений, запрещающих производство товаров всем, кроме фабрикантов. В этот момент лидирующее положение оставалось за купечеством.

В период правления Екатерины II, стремившейся к развитию экономики

¹ За 60 лет XVIII в. в московское купечество записались владельцы 560 крестьянских дворов.

² Например, в 1726 г. Федору Турунтаевскому и его сыну Сенат разрешил открыть в Вологде три промышленных предприятия и нанять рабочих, но лишь в 1756 г. им было предоставлено право стать членами купеческого общества. Дворцовыми крестьянами братьями Лукновскими была основана одна из первых полотняных мануфактур задолго до формального разрешения в 1733 г.

на конкурентной основе, ситуация изменяется, для крестьян открываются почти неограниченные возможности для проведения собственной торгово-промышленной деятельности. Им разрешалось торговать всеми видами товаров, так как считалось, что все, что принадлежит к крестьянским домашним нуждам, не может помешать купеческой торговле. Теперь крестьянам для того, чтобы заниматься торговлей, не нужно было записываться в купечество. Такое положение вызывало недовольство со стороны купечества, целью которого было получение монопольного права на ведение торговых дел. В качестве главного аргумента против осуществления крестьянами торговли купечество выдвигало вопрос о незаконных операциях, проводимых крестьянами: продаже иностранных товаров внутри страны, торговле с восточными народами, транспортировке русских товаров к портам и даже их экспорте за границу. Деятельность купцов увенчалась успехом, и в 1778 г. появился указ, запрещающий крестьянам производить многие торговые операции.

Купцы были готовы строить свои отношения с крестьянством с точки зрения позиции «рядом». Им было чуждо снисходительное отношение к крестьянству, «сверху-вниз», как к неразумному, незрелому человеку, столь свойственное русскому дворянству и русской интеллигенции, мечтавшей просветить «мужика». Вчерашний крестьянин, впоследствии известный книгоиздатель И.Д. Сытин, писал: «"Старший брат" стал научать "младшего брата" и донимать его душеспасительным словом! Никто не спрашивал, хочет или не хочет мужик учиться, и все его учили. Крестьянин выступал в роли "неразумного дитяти", с которым сюсюкали и которому предлагали упрощенные знания обо всем, ибо сомневались в его "взрослости", разумности» (Сытин, 1962, с. 54). Сытин выступил против такого отношения к крестьянству: «Не следует думать, что для мужика нужны особые реки, текущие народническим млеком и нравоучительным медом. Пусть только реки текут, а напиток из них мужик и сам сумеет» (Сытин, 1962, с. 55).

Гиперопека по отношению к крестьянам со стороны правящей верхушки

(позиция «Родителя») часто приводила к возникновению у них безответственного отношения к своим обязанностям, к делу и партнерам. Крестьянству было выгодно положение «простаков в бизнесе», позволявшее им часто избегать ответственности за свои поступки. Они все еще были «детьми помещиков» по статусу, де-юре, хоть давно, де-факто, уже превратились в их «спонсоров-содержателей».

Само по себе занятие крестьянства торговлей не вызывало негодования со стороны купцов, несмотря на то, что, имея в качестве своего главного рода деятельности – земледелие, торговое крестьянство фактически вторгалось в чужую профессиональную сферу. Купечество беспокоило то, что деятельность крестьянства во многом способствовала уменьшению числа купеческих капиталов и «уничтожению купеческого звания в России» (О доставлении..., 1823). «Тягость купеческого состояния», по мнению купечества, состояла в том, что «ныне весьма не много входит из других состояний в купечество, а к выходу стремится великое множество»³. Происходило это, по мнению известных московских предпринимателей Кузнецова, Шелапутина, Шестова, Брехова, Каренина и Свешникова, потому, что купцам становилось невыгодным быть купцами. Помимо торговых привилегий они имеют сословные обязанности, от чего были освобождены крестьяне. Крестьяне, «пользуясь выгодами среднего состояния, не несут никаких по городу вещественных тягостей, и личных общественных служб, которые отвлекают граждан от их промыслов и подвергают особой ответственности» (О доставлении..., 1823). Сбор за выдаваемые крестьянам торговые свидетельства был меньше, чем процент с капиталов купцов. Многие крестьяне даже не брали торговых свидетельств. Были случаи, когда по одному свидетельству торговало 20 человек. Важным преимуществом была большая автономия торгующего крестьянства: купцам было трудно контролировать их деятельность.

³ Десятая часть купцов 3-ей гильдии перешла в мещанство «после допущения крестьян в Москву в торговлю». Число купеческих капиталов в 1823 г. по сравнению с 1815 г. сократилось с 2418 до 1548. Переход купечества в мещанство был обусловлен не только уклонением от излишнего платежа податей, но и «по нужде, от недостатка надлежащих капиталов» (О доставлении..., 1823).

Купцы, в отличие от крестьян, обязаны были состоять на общественных должностях по выбору Собрания выборных купеческого сословия. Освобождались от общественной службы только купцы, достигшие зрелых лет (после 60 лет), тяжело болеющие, исполняющие должности приказчиков, а также прослужившие на выборных должностях пять лет подряд (Об учреждении..., 1870). При вступлении на службу купцы приносили присягу в которой говорилось, что они обязуются «всякими мерами отвращать и не допускать» нанесения ущерба государству, «вверенную тайность крепко хранить» и обязанности свои «по совести своей исправлять, и для своей корысти свойства дружбы и вражды противно должности своей и присяги не поступать» (О выборе..., 1892).

Контент-аналитическое исследование и статистический анализ формулярных списков московских купцов позволил выявить, что, несмотря на установленный нормативный срок службы (5 лет), купцы продолжали выполнять общественные поручения практически пожизненно. Из 68-ми респондентов только 14 человек (21 %) находились на общественной службе менее пяти лет, 54 человека (79%) – от 6 до 45 лет (Формулярные списки о службе, 1891-1918). Купцы являлись Попечителями и Почетными членами больниц, домов призрения, приютов, тюрем, сиротских домов, домов для инвалидов, народных столовых, учебных заведений, музеев; выполняли должности гласных Московской Городской думы, выборных от купеческого сословия, церковных старост; выступали в роли присяжных заседателей, нотариусов, маклеров, ревизоров, казначеев, целовальников; принимали участие в работе комиссий и комитетов, нацеленных на осуществление различных проектов общественного значения. За свою работу купцы не только не получали денежного вознаграждения (несмотря на то, что за выполнение тех же функций представители других сословий получали заработную плату), но и вкладывали свои средства на создание и содержание разных учреждений.

Например, благодаря представителю известной купеческой семьи Н.А. Алексееву, который с 1885 по 1893 гг. исполнял должность городского головы,

в Москве появилась современная система водопровода и канализации, были построены школы и больницы. Выполнение этой работы подчас занимало больше времени, чем осуществление предпринимательской деятельности и было сопряжено со значительными рисками. На прием к Н.А. Алексееву мог прийти любой гражданин, невзирая на звание, чин и сословие; и он, который приложил колоссальные усилия для сбора средств и сооружения Московской клинической психиатрической больницы («Канатчикова дача», она же – в 1922—1994 гг. – Больница имени П.П. Кащенко), был застрелен в своем рабочем кабинете душевнобольным человеком. Умирая, Н. А. Алексеев завещал 300 000 рублей на содержание созданной им больницы.

Итак, купцы, имея право на осуществление торговли, вместе с тем исполняли общественные обязанности, и их деятельность контролировалась Московским купеческим обществом, Купеческой управой и Собранием выборных. В то время как, крестьяне, имея торговые права, освобождались не только от общественных обязанностей, но и от контроля, что способствовало, по мнению купечества, «порче нравственности» и вело к безответственному отношению крестьян по отношению к своим кредиторам-купцам. «За сии долги свои они не дают векселей и не отвечают имением своим и личностью, подобно как обязано к тому дворянство, купечество и мещане.... Весьма часто по произволению не платят своих долгов, а помещики не понуждают их к платежам оных. Напротив сего, торгующие крестьяне, кредитуя купцов, берут с них векселя и взыскивают по оным деньги по всей строгости закона», – свидетельствуют купцы (О доставлении..., 1823).

Выход из вышеописанной ситуации купцы предлагают следующий: «Купеческое общество не предполагает лишать крестьян средства заниматься торговлей, но против того, желает, чтоб крестьяне сии были согражданами их, чтоб они увеличивали собою купеческие общества, чтоб пользовались с нами равными правами и преимуществами, чтоб несли с нами равные по государственной и общественной службе повинности» (там же).

Таким образом, основная конкурентная борьба в профессиональной сфере

осуществлялась между купцами и крестьянами. Доходы некоторых крестьян превосходили доходы отдельных купцов.⁴ Нередко крестьяне выступали в качестве кредиторов купцов⁵. Иногда купцы и крестьяне, проявляя кооперативный тип взаимодействия, вступали в совместную деятельность и выступали в качестве партнеров⁶.

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУПЕЧЕСТВА С МЕЩАНСТВОМ

Представляет интерес рассмотрение особенностей взаимодействия купечества еще с одной социальной группой российского общества – мещанством. Несмотря на то, что мещане занимались торговлей, купцы не считали их серьезными конкурентами, так как их торговая деятельность не имела того размаха, который был у крестьян. Более того, купечество стремилось защитить торговые права мещан от посягательств крестьянства, считая, что «торговля крестьян лишает беднейших мещан предоставленного им законом средства к пропитанию» (О доставлении..., 1823).

Кооперация между купцами и мещанами возникала в основном в сфере социального обеспечения. Примером может служить их совместная деятельность в Сиротском суде, ведавшем опекунскими делами купцов, мещан и цеховых. Председательствовал в суде городской голова (как правило, представитель купечества), а в числе членов суда, избираемых на три года, были представители купеческого, мещанского и ремесленного сословий (Указы

⁴ В именном списке по свидетельствам 2-ой гильдии, среди лиц, содержащих более десяти заведений, из 5 человек – 3 купца и 2 крестьянина (Андрей Морозов и Архип Егоров) имели по 11 заведений (Указы Московского губернского правления, 1865). Эти два крестьянина были, как минимум, богаче всех отдельно взятых купцов 3-й гильдии.

⁵ Купец Елистрат Андреевич Андреев сидел в долговой тюрьме, так как имел неоплаченный долг в 150 рублей. В роли его кредитора выступал крестьянин (Капитал на выкуп..., 1868).

⁶ Например, в состав Московской судоходной депутации (временно созданной комиссии для осуществления контроля над деятельностью лиц, торгующих хлебом и производящих судоходство) входили купцы в качестве депутатов и крестьяне в качестве помощников депутатов (О выборе..., 1892).

Институт психологии Российской академии наук. Человек и мир. 2018. Том 2, № 3(5)
Московского губернского правления, 1865).

Взаимоотношения купечества и мещанства, скорее всего, можно охарактеризовать как покровительственно-поощрительные. Один из владельцев знаменитой Трехгорной мануфактуры Т.В. Прохоров постоянно внушал московским купцам, что купечество и мещанство не два, а одно сословие, различающиеся лишь своим состоянием, и что забота о бедных мещанах есть долг богатого купечества (Прохоровы, 1996).

Мещане, как и крестьяне, являлись источником роста и пополнения купеческого сословия. Но если купец уже не мог стать крестьянином, то в мещанство он мог быть переведен в любое время. Причинами могли служить: необъявление капитала на текущий год, неуплата гильдейских повинностей, банкротство и т.д.

Купцы покровительствовали мещанам, понимая, что в неблагоприятных обстоятельствах каждый из них мог войти в их состав временно или пожизненно.⁷ Как правило, теряли капитал небогатые купцы 3-й гильдии, но подтверждением народной мудрости о том, что от суммы и от тюрьмы зарекаться нельзя, а также показателем зыбкости положения богатого человека явился перевод в мещанство в этом же году 2-х купцов 1-й гильдии и 3-х купцов 2-й гильдии (Сведения о купцах и объеме их капиталов, 1863). Форма перевода была различной: от собственной просьбы⁸ до автоматического исключения.

Все вышеуказанные обстоятельства способствовали тому, что мещанство, являясь отдельным сословием, имеющим собственный орган общественного управления (Мещанская управа) и свою общественную организацию (Московское мещанское общество), при этом пользовалось в социальной сфере многими привилегиями, обеспеченными для них купечеством. На средства

⁷ В 1863 г. в мещанство было переведено 166 купцов, а в 3-ю купеческую гильдию – 74 мещанина (Сведения о купцах и объеме их капиталов, 1863.)

⁸ Например, из журнала заседаний Управы от 1863 г. мы узнаем, что «Дмитрий Павлович Зеленихин, купеческий сын 3-й гильдии на вторую половину сего года капитала объявить не желает и просит перевести его в здешнее мещанство» (Журналы заседаний Управы, 1863).

Московского купеческого общества оплачивались подати за бедных мещан; они наряду с купцами выкупались из долговой тюрьмы (Капитал на выкуп..., 1868.); обеспечивалось обучение детей мещан в различных учебных заведениях, в том числе специально созданных купцами для детей мещан московских мещанских училищах (женского и мужского) (Анкета МКО..., 1910). Мещане принимались в богадельни, созданные купцами для бедных и больных людей (Устав богаделенного дома..., 1895), бедным девушкам при вступлении в брак выдавалось приданое (Дело о выдаче денег..., 1883). Московское купеческое общество ежегодно перед Пасхой «из сумм, пожертвованных ранее благотворителями для заплаты за бедных мещан недоимок» выбирало кандидатов, которые «будут достойны воспользоваться означенными милостями, и кто будет избран», и выплачивало их долги (Капитал на выкуп из временной тюрьмы..., 1868).⁹

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Становление московского купечества как социальной, профессиональной группы происходило во взаимодействии с разными социальными группами общества: дворянами, крестьянами, мещанами.

Отношение купечества с ними носило конкретный исторический характер и различалось по критериям «кооперация-конкуренция» в деловой и социальной сферах. Основным партнером купечества являлись крестьяне, выступающие с одной стороны, социальной базой пополнения купеческого сообщества, с другой стороны, – конкурентом в деловой сфере, стимулирующим профессиональную активность. Дворяне только в период правления Екатерины II выступали в качестве серьезных конкурентов купечества в деловой сфере, в то же время, сохраняя вплоть до 2-й половины XIX в. преимущества в социально-политической области, что стимулировало купечество к повышению своего социального статуса. Мещане являлись той категорией граждан, по отношению к которым купечество проявляло

⁹ Например, в 1868 г. за 32 семьи мещан было выплачено недоимок на сумму 963 рубля 23 копейки (Капитал на выкуп из Временной тюрьмы..., 1868).

Институт психологии Российской академии наук. Человек и мир. 2018. Том 2, № 3(5)
«отеческие», покровительственно-поощрительные функции; эти группы не выступали конкурентами ни в деловой, ни в социальной сферах и осуществляли кооперацию в сфере общественной деятельности.

Литература

Ананьич Б.В. Банкирские дома в России 1860-1914 гг. Очерки истории частного предпринимательства. М., 1991.

Арензон Е.Р. Савва Мамонтов. М., 1995.

Андреева Г.М. Социальная психология. М., 1996.

Бахрушин Ю.А. Воспоминания. М.: ГЦТМ им. А.А. Бахрушина, 2012.

Боткина А.П. Павел Михайлович Третьяков в жизни и искусстве. 2-ое изд. М., 1960.

Бурьшин П.А. Москва купеческая. М., 1991.

Бутенко В.А. Краткий очерк истории русской торговли / Гермес. Торговля и реклама. Спб., 1994.

Верещагин В.В. Переписка В.В. Верещагина и П.М. Третьякова 1874-1898 гг. М., 1963.

Вишняков Н.П. Сведения о купеческом роде Вишняковых, собранные Н. Вишняковым. М., 1903-1911.

Гиляровский В. Москва и москвичи. М., 1983.

Кузьмичев А.Д., Шапкин И.Н. Отечественное предпринимательство. Очерки истории. М., 1995.

Прохоровы: материалы к истории Прохоровской Трехгорной мануфактуры и торгово-промышленной деятельности семьи Прохоровых. 1799-1915 гг. / Сост. П.Н. Терентьев. М., 1996.

Сытин И.Д. Жизнь для книги. М., 1962.

Третьяков П.М., Крамской И.Н. Переписка И.Н. Крамского. М., 1953.

Третьяков П.М., Стасов В.В. Переписка П.М. Третьякова и В.В. Стасова. М.-Л., 1949.

Архивные документы:

Анкета МКО исследования общественных организаций торгово-промышленного класса в России (1910) // ЦИАМ., Ф.3., Оп.4., е.х.3803.

Дело о выдаче денег на приданое бедным девицам (1883) // ЦИАМ., Ф.3., Оп.1., е.х.542.

Дела об увольнении из купечества на учебу (1829 – 1836) // ЦИАМ., Ф.2., Оп.1., е.х.1413-2933.

Журналы заседаний Управы (1-30 июля 1863 г.) // ЦИАМ., Ф.3., Оп.2., е.х.1.

Институт психологии Российской академии наук. Человек и мир. 2018. Том 2, № 3(5)

Капитал на выкуп из Временной тюрьмы и на оплату податей бедных мещан (перед Пасхой), 1868 // ЦИАМ., Ф.3., Оп.1., е.х.445.

О выборе в Купеческую Управу старшины, товарища его, членов, гильдейских старост, их товарищей и членов Комитета по распределению процентов с разных благотворительных капиталов с 1892 г // ЦИАМ., Ф.3., Оп.4., е.х.1156.

О доставлении уполномоченными от московского купечества мнения о причинах ежегодного уменьшения числа купеческих капиталов и упадка торговли от 2 ноября 1823 г. // ЦИАМ., Ф.2., Оп.1., е.х.1500.

Об избрании в целовальники купца Ивана Толмачева // ЦИАМ., Ф.2., Оп.1., е.х.661.

Об избрании московского купца Григория Кольчугина в Московскую учетную контору маклером // ЦИАМ., Ф.2., Оп.1., е.х.203.

Об избрании смотрителей для наблюдения за печением хлеба для войск // ЦИАМ., Ф.2., Оп.1., е.х.65.

Об избрании 2-х представителей от купечества для Транзитной складочной конторы // ЦИАМ., Ф.2., Оп.1., е.х.742.

Об определении нотариусом купца Михаила Жукова // ЦИАМ., Ф.2., Оп.1., е.х.633.

О приглашении купечества вступить в члены Российского Благородного Собрания // ЦИАМ., Ф.2., Оп.1., е.х.5357.

О распространении среди купечества билетов на детский праздник в Зале Благородного Собрания (1853) // ЦИАМ., Ф.2., Оп.1., е.х.4756 (см. также е.х.4764).

Об учреждении купеческого общественного управления (1870) // ЦИАМ., Ф.3., Оп.1., е.х.136.

Сведения о купцах и объеме их капиталов за 1863 г. // ЦИАМ., Ф.3., Оп.4., е.х.5.

Указы Московского губернского правления (14 апреля-9 июля 1865 г.) // ЦИАМ., Ф.3., Оп.2., е.х.88.

Устав богаделенного дома братьев Солодовниковых в Москве, 1895 г. // ЦИАМ., Ф.3., Оп.4., е.х.123.

Формулярные списки о службе (1891 – 1918 гг.) // ЦИАМ., Ф.3., Оп.3., е.х.1-554

**FORMATION OF DOMESTIC MERCHANTRY IN THE COURSE OF
INTERACTION WITH VARIOUS SOCIAL GROUPS OF THE RUSSIAN
SOCIETY**

V.A. Koltsova*

* Doctor of Psychological Sciences, Chief Scientific Officer of the Laboratory of the History of Psychology and Historical Psychology of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences,

I.R. Fedorkova**

**Candidate of Psychology, associate professor of the Department of General Psychology of the Moscow University for the Humanities, deputy director for scientific and educational work of the Museum of Money

In this article with a basis of historic facts, including the data from archive of the Moscow Merchant Body, features of formation of merchants in the course of its interaction with other social groups of the Russian society are revealed: noblemen, peasants, middle classes. Features of interaction are considered from the point of view of the cooperation and the competition shown in business and social spheres of life of the above-mentioned social groups. The article analyzes some phenomena that influenced formation of merchants as social and professional group: view points, traditions, principles, motivation of behavior, rights and duties.

Keywords: merchantry, noblemen, peasants, middle classes, social group, strata of society, interaction, cooperation, competition, conflict, constructive conflict, destructive conflict, business sphere, social sphere, traditions, reforms, business activity, trade, commerce and industrial activity, professional activity, public work, view points, motivation, social status, dominant position, submitting position, rights, duties